

II. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Информация для цитирования:

Виноградова Е. В. Российский конституционализм. Возвращение к сакральности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 1(59). С. 47–72. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-47-72.

Vinogradova E. V. *Rossiyskiy konstitutsionalizm. Vozvrashchenie k sakral'nosti* [Russian Constitutionalism. A Return to Sacredness]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2023. Issue 1(59). Pp. 47–72. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-47-72.

УДК 34.01

DOI: 10.17072/1995-4190-2023-59-47-72

РОССИЙСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ. ВОЗВРАЩЕНИЕ К САКРАЛЬНОСТИ

Е. В. Виноградова

Институт государства и права Российской академии наук

E-mail: evigpran@igpran.ru

Поступила в редакцию 19.11.2022

Введение: современный российский конституционализм обладает спецификой, обусловленной отечественной историей, философией, правом, в которых трансформировались европейские и восточные традиции, создавая на протяжении многих веков суверенную российскую государственность. Исследование ее современной модели актуализировано процессом принятия конституционных поправок, сформировавших новые институты и придавших иное звучание ранее существовавшим. Это предопределяет интерес к исследованию правовых основ отечественного конституционализма, контекстно связанного с философскими концептуальными идеями осмысления права как значимой ценности. **Цель:** формирование нового элемента парадигмы конституционно значимых ценностей – системы «сакральное/профанное». **Задачи:** изучение формирования сакральных ценностей и отражения их в конституционных документах и юридической науке. **Методы:** историко-правовой и формально-юридический. **Результаты:** обоснование значения усилий по укреплению сакральных ценностей для упрочения российской государственности. **Выводы:** проекция социумной системы «сакральное/профанное» в право пока не изучалась. Вместе с тем такое исследование актуально в рамках концептов, определяющих взаимодействие личности, общества и власти.

Ключевые слова: российский конституционализм; система «сакральное/профанное»; конституционные ценности; юридическая наука

© Виноградова Е. В., 2023

RUSSIAN CONSTITUTIONALISM. A RETURN TO SACREDNESS

E. V. Vinogradova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

E-mail: evigpran@igpran.ru

Received 19 Nov 2022

Introduction: *modern Russian constitutionalism has its own specific nature that is determined by Russian history, philosophy, law, within which European and Eastern traditions were transforming, while gradually, over many centuries, creating sovereign Russian statehood. The study of its modern model becomes a focus of research attention due to the adoption of constitutional amendments that formed new institutions and gave a somewhat different meaning to the previously existing ones. This predetermines the interest in the study of the legal foundations of the model of Russian constitutionalism, contextually related to the philosophical conceptual ideas of understanding law as a significant value. Purpose:* to form a new element of the paradigm of constitutionally significant values – the ‘sacred/profane’ system. *The main objective is to study the formation of sacred values and their reflection in constitutional documents and legal science. Methods:* historical-legal and formal-legal methods were used in the course of research. **Results:** the importance of efforts to reinforce sacred values for the strengthening of Russian statehood was substantiated. **Conclusions:** the projection of the social system ‘sacred/profane’ into law has not been studied so far. Such a study is relevant within the framework of concepts that determine the interaction of the individual, society, and government.

Keywords: Russian constitutionalism; ‘sacred/profane’ system; constitutional values; legal science

Введение

Теоретическое осмысление основ формирования современной модели российского конституционализма актуализировано принятием в 2020 г. конституционных поправок. Они, отражая реалии социальной жизни, обозначили новый импульс для дискуссий, позволяющих переосмыслить правовую природу элементов системы отечественной конституционной модели. Появление институтов, ранее не существовавших в российском конституционно-правовом пространстве, также предполагает необходимость научных исследований в этом направлении. Среди этих (новых) институтов – публичная власть, ранее не легитимированная в отечественном праве. Здесь много вопросов, которые нуждаются в доктринальном обосновании. В частности, вопрос обеспечения единства публичной власти, включающей органы государственной власти и органы местного самоуправления. Исходя из того, что органы местного самоуправления, в соответствии с положениями ста-

тьи 12 действующей российской Конституции, самостоятельны и не входят в систему органов государственной власти, в рамках обеспечения реализации положений поправок 2020 года к Конституции предполагается создание модели, объединяющей два уровня власти.

Появившаяся конституционная ценность – российская идентичность уже породила дискурс в правовой науке. Кроме того, интересна с теоретической точки зрения проблема включения в законотворческий процесс института предварительного конституционного нормоконтроля. Можно напомнить, что Конституционный Суд РФ в течение почти тридцати лет воздерживался от таких полномочий, приводя в качестве аргумента одно из классических латинских изречений – «*nemo debet esse iudex in propria causa sua*», предопределяющих, что никто не должен быть судьей в своем собственном деле.

Эти и многие другие новеллы, появившиеся в Конституции, обуславливают необходимость новых исследований основ отечественно-

го конституционализма. В этой статье предпринята попытка осмысления конституционно-правовых институтов сквозь призму новой реальности. Это позволит создать новые модели, увидеть иные грани, интуитивно предположить существование ранее неочевидных связей между явлениями, создающими отечественное конституционно-правовое пространство, сохраняя при этом российскую конституционную идентичность.

Исследование хотелось бы начать с тезиса, что вопреки укоренившемуся представлению, предполагающему нетрадиционность конституционализма для России, идеи конституционного закрепления основ государственного устройства имеют в нашей стране многовековую историю. Можно напомнить и конституционные проекты второй половины XVIII века графа Н. И. Панина, Д. И. Фонвизина и др. Модели XIX века декабристов П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева, князя П. В. Долгорукова, М. М. Сперанского, сенатора Н. Н. Новосильцева [16; 37; 43], как образцы правовой мысли, во многом превосходят по глубине аргументации западные. Нельзя обойти вниманием предлагаемые в начале XX века проекты либералов и представителей революционного движения, обосновывавших разные подходы к формированию конституционного устройства Российской империи, от эволюционного перехода к конституционной монархии, до уничтожения существующей государственности и провозглашения нового государства, которое было создано и существовало на протяжении почти всего XX века [7]. После принятия в 1918 году Конституции РСФСР на протяжении всего периода существования советского государства создаются проекты, а затем принимаются конституции, каждая из которых исследовалась в различных ракурсах, предполагающих разные оценки их идеологического содержания, теоретической и практической значимости, влияния на общество. Конституция РФ, принятая в декабре 1993 года, вобрала в себя много идей, которые позволяют говорить о ней как о документе, определяющем Российскую Федерацию как правовое демократическое государство. Вместе с тем продолжается процесс трансформации Конституции. Несмотря на мнение, что она «отвечает современным запросам общества и госу-

дарства и далеко еще не исчерпала свой потенциал» [4], внесение изменений и поправок в Конституцию РФ – перманентный процесс, который не оценивается исследователями как нечто неординарное.

Однако эволюция конституционной матрицы активизирует научные дискуссии, обсуждения, появляются диссертационные исследования, позволяющие по-новому взглянуть на элементы конституционно-правового пространства. На прошедшей осенью 2022 года конференции в Институте государства и права Российской академии наук, посвященной гарантиям реализации прав человека, одним из участников для обсуждения был предложен интересный тезис, а именно: необходимо дифференцировать усилия по защите прав и свобод человека в зависимости от их категории. Идея, конечно же, не новая, давно принято делить права человека на политические, социальные, экономические или отчуждаемые и неотчуждаемые, специалисты здесь напомнят о правах разных уровней и проч. Идея заключалась в том, что все человеческие потребности, с высокой долей условности, предлагалось разделить на сакральные и профанные. Дальнейшая логика рассуждений сводилась к тому, что есть определенный смысл в том, чтобы попробовать разделить гарантии обеспечения профанных и сакральных прав. Действительно, реализация таких гарантий, как право на жилище, питьевую воду, возможность регулярно питаться и т. п., предполагает сосредоточение усилий в определенном формате. В этой части прав и внутреннее право разных государств, и международные договоры действуют консолидированно и зачастую успешно. Что же касается сакральных прав, то здесь все более прозаично. Удовлетворение духовных потребностей человека – задача со многими неизвестными. Уровень регулирования гарантий их обеспечения неочевиден. Вспоминая всем известную пирамиду Маслоу, можно проиллюстрировать эту задачу, установив некий водораздел в одном из горизонтов этой пирамиды. Далее можно предположить: чем выше эта граница, тем более удовлетворены потребности гражданина (или подданного) в том или ином государстве. Следовательно, вопрос об удовлетворении сакральных потребностей жителей страны – это то, что должна обес-

печивать публичная власть на любом уровне. Во всяком случае, об этом надо размышлять, наполнять теоретическими исследованиями существующие пробелы, переходить на уровень нормативного регулирования.

Если рассуждать в форматах теоретических парадигм, то и само право имеет уровень сакральный, в котором оно воспринимается как область высшего правопонимания, правосознания, правочувствования. Для профанного права в этой модели также существует место, в котором оно раскрывается через правоприменение.

Часть данного исследования будет посвящена теоретическим рассуждениям о праве сакральном и праве профанном. В другой части будет проанализирована практическая составляющая, которая реализуется в рамках юридической профессии. Исходным будет тезис – юридическая профессия существует в разных ипостасях. Юриспруденция может манифестироваться как высокая наука. В практической жизни она может проявляться как ремесло, востребованное миллионами людей, которым, используя правовые механизмы, необходимо ежедневно решать задачи, удовлетворяя потребности.

Эволюция отношений человек-общество проходит через этапы, одним из которых, вне всяких сомнений, является осознание того, что без идеалов и ценностей социум существовать не может. В реалиях сегодняшнего дня временный (мы в этом уверены) триумф материально-потребительского отношения к миру сопровождается «аутизмом» личности, ее одиночеством в «толпе». Индивидуализм, возведенный в культ, обусловлен отказом от значимых для общества ценностей. Он порождает гносеологическую запутанность, подменяющую истинные идеалы и приводящую затем к отказу от них. Феерия псевдоценностей создает иллюзию значимости доминирования индивидуальных ценностей. Формат ориентирован на примат интересов личности над интересами социума. Абсолютизация личной свободы, попытки придания элитарности массовому дурновкусию и прочая, прочая, прочая. Природа не терпит пустоты. На место сверженных богов всегда приходят новые. И вот уже то, что не так давно считалось недопустимым, через «а почему нет, если хочется» возводится в ка-

тегорию «только так и не иначе». Отказ от сакральных ценностей превращает человека в существо, которое научилось ходить прямо и силой оружия удовлетворять свои потребности, зачастую отнимая у себе подобных, но в силу обстоятельств более слабых существ то, что видится нужным. Но определение рейтинга «нужного» все равно приведет к созданию системы ценностей, правда, уже не сакральных, а профанных. Затем начнется процесс сакрализации профанного. И опять идолы, боги... Трансформация в обществе профанного и сакрального в разных мировоззренческих формах предопределяет специфику их воплощения. Воздействуя на каждого человека и общество через призму ценностных ориентиров для социума, они форматируют власть в разных странах через менталитет, определяя жизненные модели целых поколений.

Как пишет Норберт Элиас, эмоциональные связи индивида со своим государством могут, конечно, быть амбивалентными, но, какого бы рода они ни были, эмоциональная привязанность к своей стране остается живой и сильной. Суть заключается в том, что лишь при определенном дистанцировании от сиюминутных желаний и личной пристрастности ищущему открываются порядок общественных перемен, своеобразная неизбежность, с которой общность людей при определенной силе напряжения выходит из неких границ, будь то большая и всеохватывающая интеграция или относительная дезинтеграция, на уровень доминанты центробежных сил. «Взгляд, возникающий при сознательном дистанцировании, несколько не утратит своей ценности, если на те же вещи взглянуть по-новому глазами человека, принимающего решения здесь и сейчас внутри исторического потока» [50, с. 77, 305].

Проекция социумной системы «сакральное/профанное» в право пока не изучена. На наш взгляд, необходимость таких исследований вполне очевидна, они актуальны в рамках социальных, политических, следовательно, и правовых концептов, определяющих взаимодействие личности, общества и власти. Однако, прежде чем анализировать сакральность и профанность в праве, обратим внимание на исследование системы «сакральное/профанное» сквозь призму других гуманитарных наук.

«Сакральное/профанное».**Эволюция концепции**

Предложенная концепция, в которой профанное ориентировано на материальный мир повседневности, в то время как сакральное соотносится с высшими идеалами, предопределяет, что «Сакральное как Богооткровенное, сверхчеловеческое, абсолютное, духовное противостоит профанному – обыденному, внешнему, материальному, относительному, земному» [46, с. 4].

Трансформации сакрального и профанного (священного и мирского, горнего и дольного, божественного и человеческого, естественного и сверхъестественного) отражены в работах философов, социологов, психологов.

Идея контрфорса сакрального/профанного оформилась из критики божественного как особая сфера сакральной реальности. В этом исследовании термин «контрфорс», который уже использовался в других работах по правовой тематике [11; 12], не кажется нарочитым. Действительно, этот термин, обозначающий в архитектуре взаимное воздействие двух сил, усиливающих конструкцию, видится вполне уместным для анализа феномена «сакральное/профанное». Как соединение в человеке «принципа жизни» и «принципа духа» эта идея присутствует у М. Шелера. Его концепт возникновения Бога вместе с человеком создает модель взаимосвязи сакрального и профанного. В философии XX века сакральность исследовалась Р. Отто [36], который считал ее определяющим свойством религии. По его мнению, именно религиозный опыт создает для индивида сакральную реальность. В работах Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Зиммеля и др. исследован потенциал социума как источника сакрального. Во второй половине XX века в социологических исследованиях повседневности П. Бергер, Т. Лукман, Д. Белл и др. обозначили ее сакрализацию. Работа М. Элиаде «Священное и мирское» [51] содержит анализ контрфорса сакрального и профанного. В ней отмеченная разница между мирским и священным обуславливает эволюцию индивида и социума от естественной реальности до сверхъестественной через приобщение к сакральности.

Парность понятий «сакральное» и «профанное» предполагает, что они существуют как

антитеза. Они определяются через смысловые оттенки синонимов, формируя одну контрфорсную систему. Сакральность и профанность создают потенциальный ресурс идейно-ценностных начал для человека как члена общества. Понятие сакрального, как некой формы священного, сверхъестественного, трансцендентного, высокого, противопоставляется профанному – мирскому, обыденному, низкому. Чаще всего аксиологической доминантой в этой паре считается сакральное. Однако в последнее время происходит смещение акцентов. Становится очевидным – они создают систему ценностных ориентиров социальной жизни совместно. Трансформируясь, изменяя под влиянием политических процессов свой социальный статус, они создают новую реальность. В реалиях сегодняшнего дня можно отметить, что материальное, обыденное, т. е. профанное, сакрализуется.

Исторический опыт предопределяет аксиоматичность вывода, что система «сакральное/профанное» всегда отражает время. Культура, как материнская плата сакрального, создает интерпретации для зрителей, читателей, слушателей различных эпох. В то же время культурная традиция предполагает репрезентацию обычной повседневной жизни, которая «...состоит в воспроизводстве человеческой жизни – в продолжении рода, обеспечении его выживания трудом и борьбой с природой, с врагами, в создании, сохранении и совершенствовании защитной материально-пространственной среды» [26]. В работах культурологов отмечается внимание к изменению статуса профанного, с которым ранее связывались «...повторяющиеся в быту действия человека» [45, с. 355–371, 369], отмечая превращение повседневности «в пошлую обыденность» в связи с вытеснением сакрального из культуры. Вопреки тому, что в традиционной повседневности изначально была заложена оппозиция «сакральное/профанное» как противопоставление двух начал.

Говоря о системе «сакральное/профанное», важно уточнить, что исследование любого понятия или явления нуждается в определенности. Создание новых концептов предопределено формированием пространства теоретически обоснованных понятий, необходимых для понимания природы созданной модели. Система

«сакральное/профанное» получила развитие благодаря работам основателя социологии Эмиля Дюркгейма. Исследование взаимодействия элементов внутри этой системы создало дополнительный импульс для определения природы амбивалентной сакральности. Строго говоря, считается, что пальма первенства в открытии этого явления принадлежит У. Робертсону-Смиту, который предположил существование двух форм сакральности. Эта идея нашла сторонников среди философов, антропологов, социологов и психологов [1, с. 97–102]. Она отражена в работах Дюркгейма [17, с. 681], Вундта [14, с. 864], Фрейда [48, с. 38] и др.

Вместе с тем, прежде чем однозначно отдать авторство этой концепции Робертсону-Смиту, можно отметить более ранние источники. Нельзя не упомянуть о традиции «возвышенного» романтизма в литературе и философии. В литературе концепция амбивалентности сакрального стала базовым приемом «готического романа». Сюда же можно отнести антитезу аполлонического и дионисийского начал Ницше [35, с. 65], исследования Канта [25, с. 368]. Эти рассуждения иллюстрируют теорию амбивалентности сакрального в музыкальных, театральных, литературных, художественных произведениях. Есть мнение, что «работа Фрейда “Тотем и табу” и его концепция жуткого (“unheimlich”) оказала существенное влияние на дальнейшее развитие понятия амбивалентности сакрального в гуманитарных науках» [23, с. 177].

Позитивное и негативное сакральное в социологии Дюркгейма определяются как силы «защитников физического и морального порядка, а также источники жизни, здоровья и всех ценных людьми добродетелей», а также «зло и нечистые силы, источники беспорядка, причины смертей и болезней, зачинщики кощунства. Единственное чувство, которое люди к ним испытывают, это страх, который обычно сопровождается отвращением» [52, р. 464].

Амбивалентность сакрального – два полюса, отформатированные почтением и благоговейным трепетом, противопоставляемые страху, ужасу, отвращению. Этот признак часто не имеет отношения к самому предмету, сакрально нейтрален. Восприятие его в той или иной форме зависит от чувств, которые диалектически дуальны. Попытка установить объективные

границы между позитивным и негативным сакральным в социуме, человеке, предмете неизменно сталкивается с препятствиями. Во-первых, эти формы взаимобратимы, «сакральное чистое превращается в сакральное скверное (нечистое)¹ и наоборот» [56, р. 507]. В качестве примера наиболее часто приводят сакральность жертвоприношения. Кроме того, граница, разделяющая позитивное и негативное сакральное, может быть основана на чем угодно, но не на объективности. Сам по себе предмет либо поступок изначально нейтрален. Священный трепет или омерзение возникают при его субъективном осмыслении.

Как отмечает Роже Кайуа, исследовавший амбивалентность сакрального, представление о системе «сакральное/профанное» связано с картиной мира, формирующейся через язык и отражающей его особенности. Сакральное (от лат. *sacrum* – священное) – все то, что относится к культу, поклонению особо ценным идеалам; оно противостоит светскому, профанному, мирскому. Славянское слово «святое» указывает на благодать света и близко к санскритскому «сва» (благо), англосаксонскому «*holy*» (родственному с *health* – здоровье) и греческому «*holos*» (полный, целый). Есть два типа священного: а) позитивно-открытое, связанное с присутствием в ритуале безусловного начала; б) негативно-скрытое, накладывающее запрет на вхождение в контакт с абсолютным [20, с. 26]. В некоторых языках понятие сакрального изначально имеет два значения. «Греческое слово ἅγιος, “скверна”, значит также “жертвоприношение, которым смывается скверна”. Термином ἅγιος, “святое”, в старину также обозначалось (если верить лексикографам) “оскверненное”. Различие было проведено лишь позднее, с помощью двух симметричных слов ἀγῆς, “чистое”, и ἐναγῆς, “проклятое”, прозрачная конструкция которых ярко показывает двузначность исходного слова» [24, с. 296]. Вместе с тем в некоторых языках одинаково определены запрет, вызванный «...почтением к святости, и запрет, обусловленный страхом скверны» [24, с. 296]. Интересно, что в современном русском языке две формы сакрального определяют разные слова (священное и греш-

¹ Робертсон-Смит использует термины «uncleanness» и «impurity».

ное), в то время когда, например, во французском (*sacré*) одно.

Рассуждая о терминологии сакрального, А. Райли отмечает: «...социологическое богатство этого понятия можно оценить, если возвести термин к его латинскому оригиналу *sacer*, которое объединяет оба кажущихся противоречивыми значения. Французское *sacré* сходным образом может означать и то, и другое, и часто используется в обоих смыслах (*la musique sacrée*, святая или священная музыка, и *un sacré menteur*, проклятый или “чертов” лжец), тогда как английское *sacred* утратило второе значение: факт, который сам по себе неплохо объясняет англоязычное искажение дюркгеймианской трактовки этой проблемы» [55, pp. 274–301].

Лингвистический аспект амбивалентности сакрального иллюстрирует основу разных подходов к интерпретации. Руническая надпись, миф, записанный через несколько веков после того, как его перестали понимать – можно ли представить себе что-либо более разношерстное, чем фактический материал, которым располагают исследователи [51, с. 144]? Однако следует обозначить, что разные формы сакрального в равной степени противоположны миру профанного. «Божественность и проклятие, освящение и осквернение производят в точности одно и то же действие на профанные вещи – делают их неприкосновенными» [24, с. 296].

Одинаковая природа сакрального чистого и сакрального скверного реализуется в позитивном либо негативном отношении к ним. Они не соотносимы с системой «сакральное/профанное», представляющей фундаментально противоположные реальности. Отношения позитивного и негативного сакрального диалектичны, в отличие от отношения между сакральным и профанным. Эту разницу Дюркгейм выявлял в ритуальном поведении: «Все религиозные запреты делятся на два класса: запреты между сакральным и профанным и запреты между сакральным чистым и сакральным нечистым» [52, p. 464].

Все может быть проявлено сакральным или профанным. Автор серьезного исследования «Миф и человек. Человек и сакральное» Р. Кайуа считает, что носителем сакрального может стать абсолютно любой предмет, именно по отношению к чему-то священному обыден-

ное «...кажется таким же скучным и лишенным существования, как небытие перед лицом бытия» [24, с. 56]. Позитивное и негативное начала полярны внутри сакрального, но не соотносятся с профанным отдельно друг от друга.

Объединяет почти всех исследователей признание амбивалентности одним из неотъемлемых атрибутов теории сакрального. Однако ошибочно относить к оппозициям «сакральное – профанное» и «чистое – скверное» как к равным. Система «сакральное/профанное» контрфорсна и базируется на аксиологическом единстве. Чистое и скверное – это признаки сакрального, что не позволяет говорить о тождественности терминов, определяющих природу негативной сакральности (скверном, нечистом, запретном и др.), и о профанном. Однако некоторыми авторами они воспринимаются как эквивалентные. Например, Дж. Александер отмечает, что «скверные объекты ассоциируются с темными силами, с профанным» [2, с. 31]. Эта идея прослеживается в его работе [3], посвященной исследованию восприятия процесса компьютеризации и его влияния на социальную жизнь.

Здесь очень важно принять верную позицию в отношении существующего расхождения в терминологии. Обозначившаяся в массовом сознании тождественность профанного с негативным проявлением сакрального создает для профанного некоторый отрицательный оттенок. В этом случае мы должны рассуждать о сакральном как о чем-то хорошем, отводя профанному негативную роль плохого. Но ничего плохого, отрицательного, негативного нет в обыденном, реальном, мирском. Такая оценка деформирует систему «сакральное/профанное», не позволяет говорить о сакрализации профанного как о некоторой эволюции системы. Вместе с тем сам термин «профанное» происходит от греческого «*pro*», означающего «до» или «прежде», и латинского «*fanum*» – «храм». То есть профанное – это то, что вне храма, до него, то, что обычно происходит в жизни, вне стен церкви. Это нельзя считать ни плохим, ни скверным. Это всего лишь обыкновенно. Противоречие между сакральным и профанным сглаживается принятием эволюции этой системы, что позволяет использовать эту модель применительно к изучению современной жизни.

Следует отметить, что система «сакральное/профанное» в последнее время часто становится предметом исследования для многих областей знания. Кроме традиционных теологии, философии и социологии, в последнее время появилось много интересных работ по культурологии, филологии, истории и даже архитектуре [53; 54]. Однако транслировать систему «сакральное/профанное» в право пока никто не решается.

Сакральность и профанность права

Отражение элементов системы «сакральное/профанное» в правовую реальность можно предварить следующими рассуждениями. Признание системы «сакральное/профанное» частью социальных ценностей в той или иной стране не может произойти без влияния власти. В некоторых случаях это вообще становится ее прерогативой. Предположив, что в социуме реализация системы «сакральное/профанное» – это манифестация власти, логично атрибутировать закрепление элементов этой системы как значимых для общества через нормативные акты. Право объективизирует аксиологические доминанты, становясь индикатором системы ценностей в том или ином государстве.

Стремление к пониманию внутренней логики политико-правовых процессов предопределяет интерес к алгоритмам, проявляющимся при смене эпох. Наряду со спецификой каждого этапа перемен некоторые общие черты позволяют находить однотипные элементы, оказывающие влияние на политико-правовой дизайн создания новой реальности. Доктринальное осмысление эмпирического материала позволяет говорить о диалектике профанного и сакрального как о глубинном механизме развития политико-правовых отношений. При этом значимыми для любого процесса, влияющего на реформирование власти в формате политической мифологии, являются философские категории, объективизированные в правовых конструкциях.

Необходимость включения в образ эпохи системы «сакральное/профанное» продиктована тем, что благодаря ей атрибутируется пространство конкретной страны, учитываются ее исторические, философские, правовые традиции, что обуславливает идентичность общества

и разграничивает этапы эволюции страны. Возможно, в качестве стратиграфической основы может использоваться способ, которым установлена граница между сакральным и профанным. Она может быть жесткой или проницаемой, возможны модификации.

Эволюция процесса установления границ – достаточно интересная тема. В греческой мифологии пересечение границы между мирами – вполне допустимое событие. В Римской империи границы между цивилизацией и варварством также отсутствовали. Вместе с тем в мифах всех народов мира любое пространство всегда охраняемо специальными «уполномоченными» – Хароном, Бабой-Ягой, девой Модгуд.

Государство нуждается в охране своих границ. И уже в средневековой Европе было установлено, что охраной суверенной территории занимались маркграфы. В России эти функции на протяжении веков были закреплены за казачеством. В XX веке охрана реальной, а не метафорической границы – одна из важнейших функций власти, которая поддерживается позитивными установками, возводя роль защитников границы на уровень героической. Граница в сознании советского человека – это укрепленная, защищенная колючей проволокой стена. В современном мире существование границ – объективная реальность. Легитимация границ – задача права.

Сакральные границы отделяют друг от друга идеологические модели, идентифицирующие общество. Профанная правовая задача – демаркация границ между государствами. Это одна из иллюстраций того, что «в сакральных символах аккумулируются базовые культурные ценности конкретных эпох, и интерпретации таких символов всякий раз корректируются новыми поколениями» [20, с. 17].

Оценка преобразований, происходящих в жизни социума, во многом зависит от методов изучения закономерностей эволюции. Современная государственность объективизирует эти трансформации в политико-правовые процессы. Диалектика сакрального и профанного в праве основана на общественном сознании. Опыт ее изучения важен для современной России, которая переживает очень серьезные изменения в общественном правосознании. Они полифоничны, учитывая наслоения имперского и советского периодов на традиционные ценно-

сти российской державной государственности. Кроме того, трансформация предопределена процессами глобализации и интеграции страны в общеевропейский и мировой политико-правовой контент.

Любые перемены ценностных ориентиров в обществе влекут трансформацию системы «сакральное/профанное», а правовые нормы, как регуляторы общественных отношений, заметно реагируют на эти процессы. В качестве иллюстрации можно привести пример, многократно используемый в уголовно-правовых исследованиях. Общеизвестно, что существовавшая многие десятилетия ответственность за спекуляцию предусматривала весьма суровое наказание. Санкции некоторых статей предусматривали смертную казнь за совершение деяния, содержащего признаки, квалифицируемые как спекуляция. Жестоко... и ничего невозможно исправить. Справедливо ли? С точки зрения существующей тогда идеологии – безусловно. Необходимо бороться с явлением, мешающим формированию советского человека – строителя коммунизма. Увеличивается количество деяний – ужесточается наказание. Здесь следует отметить, что для любого криминалога прописной истиной является тезис, что ужесточением наказания невозможно профилировать преступность. Однако демонстрация твердости поддержки государственной системы ценностей должна породить страх и, вопреки мнению ученых, снизить количество совершаемых преступлений. Борьба велась жесткими методами, продолжалась долго, победитель в этой войне долго не определялся. При этом буквально в один момент ответственность за спекуляцию отменяется, деяние декриминализуется. Что произошло? С изменением ценностных ориентиров в новой социально-правовой реальности современной России общественная опасность спекуляции канула в Лету.

Продолжая экскурс в уголовно-правовые отношения, можно также отметить, что сама уголовно-правовая доктрина содержит в качестве обязательного элемента состава – объект преступления. В теории уголовного права – это общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Они создают систему важных, охраняемых уголовно-правовыми запретами ценностей, имеющих значение для данной страны в конкретное время. В этой модели есть

константы, такие, например, как отношения по охране жизни человека, но есть и те, которые могут модифицироваться в связи с изменением политико-правовой реальности. В частности, к общему объекту, обязательному для всех преступлений, традиционно относятся основы конституционного строя. Предсказуемо, что в случае изменения конституционной парадигмы трансформируются уголовно-правовые запреты. Таких примеров, когда право регулирует отношения через систему ценностей, формирующих систему провозглашенного государством сакрального, чрезвычайно много. Важно акцентировать внимание на предположении, что при отсутствии механизмов правовых регуляторов ценности, которые не признаются или игнорируются властью, могут создавать теневую систему, манифестирующую собственные идеалы. Существование противостоящих идейно-ценностных ориентиров в обществе может создавать и, скорее всего, неотвратимо создаст кризисную ситуацию. Повод для возникновения конфликта может быть любой, но его причина – в отсутствии у социума единства взглядов на систему традиционных для него ценностей. В контексте этого исследования можно предположить, что недостаточность усилий власти по охране системы «сакральное/профанное», которое может проявляться среди прочего и в слабости правового регулирования, приводит к протестным акциям и политической трансформации. Таким образом, предтечей предстоящих изменений можно считать неспособность власти сохранить регулирование поддерживаемых ею системы сакральных ценностей.

Здесь интересны примеры, приведенные в диссертации И. А. Биневского [5], в которой он исследует противостояние сакрального и профанного в историческом контексте. Он обращает внимание на то, что с V в. до н. э. человек, осознавая проблемность собственной жизни, начинает сомневаться в сакральности религиозно-мифологического комплекса. Манифестация протеста против принятия божественного как источника разумности бытия, как основная идея, существует исходя из трагикомического начала. «Акт смеха над человеком или ситуацией предполагает вынесение некоего аксиологического суждения относительно объекта насмешки... служит причиной устойчивого желания зрителя диссоциировать себя с таковым» [5, с. 16].

Следует обратить внимание на то, что на протяжении последующих веков в контрфорсе сакрального и профанного институт смеха всегда играл определенную роль. Филологи обращают на это внимание в своих исследованиях. Смех проявляется в «...самых разных формах: от общей иронической настроенности повествователя до конкретных комических ситуаций, в которые попадают герои» [28, с. 7]. Смех рождается из противоречий профанности внутри сакральной системы и наоборот. «Профанное, оторванное от сути духовных учений, но стремящееся к гармонии своего духа, смеется над сакральным карнавальным смехом. Сакральное, чтобы привлечь к себе жаждущих духовности, смеется над профанным» [28, с. 7]. Сложно порой понять: этот смех – вызывающий, протестный, иногда громкий, иногда изысканно-ироничный, он комичен или трагичен?

Трагическое и комическое, как две формы протеста в отношении аксиологии религиозной мифологии, разрушая стереотипы поведения, меняют социокультурный тренд классической полисной религии Олимпа, создавая базу для эллинизма как нового этапа с новым комплексом социокультурных ценностей. Профанизация сакрального, реализованная в изобилующем скепсисом и нигилизмом философском дискурсе в римскую эпоху, проявилась сарказмом в отношении богов и вульгарностью моральных и нравственных начал.

Этот алгоритм профанации сакрального, изменяющий основы социальной жизни, повторяется с завидной периодичностью при смене эпох. Религиозно-политический концепт Средневековья стал разрушаться в довольно яркой форме. Протестно-профанирующая сила фонтанировала согласно карнавальному духу эпохи.

Римская католическая церковь, постулирующая христианские ценности, утвердившиеся в течение нескольких веков, сменив античную культуру, подверглась профанации в форме карнавальной аксиологической девальвации нравственных основ. Эта модель, возникшая как сфинкс из языческого дохристианского прошлого, как апокалиптический кошмар, отформатировала себя как протест против ограничений, освобождения от норм. Карнавальная аморальность и культ греховности создали доминанту материально-телесных радостей жизни здесь и сейчас. Ограничения интимной состав-

ляющей бытия остались за гранью официальной доктрины Римско-католической церкви, став шагом к эпохе Нового времени – Ренессанса и Просвещения. Исследователи утверждают, что «по мере достижения своих целей карнавальная культура сходила на нет» [5, с. 18]. С этим тезисом вряд ли можно согласиться, анализируя поводы, а возможно, и основания сегодняшних гей-парадов, ставших частью культурной идентичности современной Европы. Что противопоставить такой форме протеста? Можно ли правовыми предписаниями оформить запрет на протест? Или выход в том, чтобы рассеивать сакральные ценности и с помощью норм права перемещать акценты, не доводя до «точки кипения»? Ведь, в отличие от системы традиционных ценностей, право менее консервативно. Поэтому, предвидя кризис, следует профилактировать его «правовой перезагрузкой», смягчая протестный удар по основам государственности.

Возникая на полуразрушенном фундаменте сакрального для Средневековья власти, создавались новые ценности. В горниле профанизации сакрального переплавляется основа власти, базовым принципом которой становится секуляризм. Светская власть отводит религии место на дальних подступах к общественно-политическим процессам. Из фактора, организующего имперскую власть, она становится вторичной. Угасание религиозного чувства реконструирует традиции, заменяя христианские ценности, объединяющие Европу, на приоритеты национальных интересов, трансформирующихся впоследствии в парадигму суверенной личности. Идеология просвещения, основанная на философии рационализма, отражая подрыв Римско-католической церкви как духовной опоры, провозгласила разум импульсом активного постижения свободы и независимости.

Десакрализация аксиологии христианства позволила создать в общественном сознании новую сакральность, основанную на научном рациональном мышлении. Результатом десакрализации христианских культурных традиций стало возникновение новой сакральности – светской рационалистической морали. «Гегелевская триада: тезис – антитезис – синтез, т. е. сакрализация – профанизация – ресакрализация, работает и на новейшем европейском участке социокультурного процесса» [5, с. 19].

Политико-правовая реальность XIX века – иллюстрация повторения профанизации сакрального в процессе создания новых идейно-ценностных ориентиров. Новым культом стали достижения науки. Преклонение предполагалось не только перед достижениями естественных наук – физики, химии, математики, и т. д., но и наук гуманитарных. Кроме вновь возникших социологии, психоанализа на трансформацию эстетической парадигмы европейской матрицы большое влияние стали оказывать иррациональные модели экзистенциальных философских воззрений А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и др. Крушение идеалов в революционных экспериментах, обусловленных категорическим отказом от всего, что носит отпечаток консервативного, воспринимаемого как ретроградное, замедляющее прогресс стало создавать новые святыни начала XX века. В этих святынях происходит замещение Всевышнего симбиотической реальностью науки, технологии и человека, десакрализирующей европейскую модель социума, основанного на традиционных нормах. Бывшие культы замещаются пафосом свободы, имеющим псевдосмыслы разной степени реальности. Ускоряется период существования системы ценностей. Десакрализация исходных европейских основ идентичности предопределяет разрыв «...с той культурой, которая сохраняла значение для европейского (западного) сознания на протяжении последних двух с половиной тысяч лет» [5, с. 22]. Далее традиционная сакрально-профанная система меняет доминанту на профанную, вероятно имеющую потенцию к сакральности нового типа. Во всяком случае, есть надежда, что это произойдет. Некий момент истины зависает в выборе между возможными путями развития в виртуальную реальность и созданием иных смыслов и значений, упорядочивающих существование индивида в социуме.

Традиционное научное знание – один из форпостов консервативного в сегодняшней реальности социумного бытия. Технологический прорыв в информационном, физическом, биологическом и других направлениях естественных наук обуславливает необходимость регулирования этих отношений. В одном из ранее осуществленных исследований этот процесс довольно ярко продемонстрирован на примере регулирования трансплантации [32]. Анализ в

части отношения основных религиозных конфессий к трансплантации и донорству показал, что в каждой из них в той или иной мере декларируется запрет на действия, нарушающие целостность человеческого тела после смерти. Вместе с тем идея пересадки органов присутствует в мифологии всех религий, например: химеры своим существованием транслировали допустимость «...использования органов разных живых существ, объединяя их в одном. Как появлялись эти образы в сознании людей? Проводились ли эксперименты пытливыми естествоиспытателями, или природа создавала тупиковые ветви эволюционного развития живых существ» [13, с. 63], для целей настоящего исследования вряд ли имеет существенное значение. В контексте данной работы важно отметить, что такая форма жизни с давних времен закреплена в нашем сознании как допустимая. В глубинах человеческого сознания в аспектах, подлежащих исследованию в этой статье, фиксируется «возможность такого феномена». Следовательно, можно предположить допустимость осознанного включения в регулирование социумом отношений в сфере использования чужих органов. То есть религиозные нормы содержат предписания о недопустимости использования органов другого человека, но сегодняшние лидеры религиозных конфессий говорят: «...для достижения неких целей можно истолковать нормы так, что этот запрет можно преодолеть. Из этого можно сделать вывод, что религиозные нормы не могут рассматриваться» [13, с. 64] в качестве регуляторов этих отношений, в которых, нужно заметить, участвует значительное количество людей. Здесь нормы морали, основанные на философских концепциях, как правило, слишком пластичны и поэтому их регулирующее значение невелико. Право, как синтез сакрального в форме правосознания и профанного в виде правоприменения, создает политико-правовую реальность, с одной стороны, укрепляющую традиционную идентичность, с другой стороны, позволяющую реагировать на трансформации. Процесс эволюции моделей взаимодействия между личностью и обществом с использованием внутренней природы правовых конструктов позволяет уплотнять процесс адаптации к новой реальности и, в идеале, избегать социальных потрясений.

Гипотеза, что в любом процессе изменения политико-правового контента можно наблюдать диалектику сакрального и профанного, видится вполне жизнеспособной. Определение основных социальных принципов существования индивида внутри социума как элемента сакрального предполагает, что «утрата статуса сакральных, обладающих высшим авторитетом и безусловным значением нормы, ценности, идеалы и стереотипы поведения перестают быть обязательными к исполнению и преодолеваются» [5, с. 20]. Смена политико-правовых парадигм всегда происходит через профанизацию базовых социальных стереотипов.

На этапе обострения ситуации в стране (война, ЧС природного или техногенного характера) возникает потребность в сохранении существующего. Таким образом проявляет себя стремление преодолеть нестабильность. Отношение к сакральным ценностям в этот период становится обостренно критичным. После преодоления кризиса усилия по сохранению «пантеона бывших богов» зачастую не оправдывают ожиданий. Идеалы подвергаются переосмыслению, утрачивают статус гиперценностей. Утрата ценностных ориентиров, ранее воспринимаемых как оплот, фундамент, на котором держится социум, делает актуальной повестку поиска новых идеалов. В этом поиске зачастую внимание акцентируется на том, что в социуме привычно, традиционно, стабильно. Происходит изменение отношения к профанному. Конечно, бытовой фоновый контекст жизни социума, отождествляемый с профанным, не становится источником сакральных ценностей. Здесь можно предположить, что между профанным и сакральным возникает некая плоскость пересечения. Эта медиативность нередко проявляется в том, что часть эстетики и символов поверженных идолов сохраняется в новом пантеоне. Кроме того, необходимо осознавать, что профанация сакрального не снижает актуальности проблемы нестабильности существующей системы. Трансляция сакральных образов наполняет смыслами и символами новый модифицированный мир. Но время неумолимо, новые ценности укрепляются в социальной реальности и, приобретая черты и смысловую нагрузку идейно-ценностных факторов, запускают процесс сакрализации.

Диалектика системы «сакральное/профанное», как уже было отмечено, с началом XX века полностью перестает отождествляться исключительно с религиозными аспектами. Постметафизическая онтология предполагает новое содержание священных ритуалов. Оно предопределяет, что человек не только участник священнодействия, но и утверждает идею, что именно человек сам формирует элементы системы «сакральное/профанное». Ценностные ориентиры определяют критерии эффективности власти и управления, институционализируют регуляторы общественных отношений. Право, влияющее на поведение людей, становится одной из базовых ценностей, что предполагает его сакрализацию. Вряд ли можно говорить об априорной сакрализации права. Исследователи отмечают: необходимо «...задуматься о возможностях права и пределах его возможностей, понимая, что право не всемогуще» [19, с. 295]. Здесь, вероятно можно предположить, что право, как социальный продукт, являясь частью системы «сакральное/профанное», содержит в себе признаки, присущие высоким идеалам, что делает его востребованным в обыденной жизни.

Именно это позволяет говорить о воздействии права сакрального и права профанного на общественную жизнь. Сакральное право ориентировано на поиск и утверждение Истины и Справедливости, открывающихся человеку через метафизические откровения. Дорога к Истине путем познания объективной реальности лежит через профанный опыт, позволяющий приблизиться к ней с помощью рациональных средств и методов. Социум посредством права стремится выработать механизмы управления властью, создавая теоретические модели, контекстно связанные с правовой государственностью, устанавливающие «верховенство права». Правовая реальность создает для государства возможность использования правовых институтов в интересах политики. Право, реализуясь в социальных институтах, профанируется. Проникая во все сферы жизни общества, право организует общественную жизнь, выравнивая потребности личности, общества, государства. Логика социального развития права позволяет ему иметь разные формы и функции в обществе. Сакральное право в виде правосознания встраивается в системы рассуждений о неот-

вратимости ответственности за причинение зла и несправедливости. Рационализация права формирует традицию его влияния на политический порядок. Правовые конструкты профанного в виде правоприменения поддерживают существующую государственную власть, обеспечивая ей возможности принудительного исполнения предписаний.

Право контекстно связано с идеей правовой государственности, которая в античные времена отождествлялась со справедливой властью. Одним из признаков правовой государственности, наряду с верховенством права (закона), является принцип разделения властей. В классической модели предполагается деление власти на законодательную, исполнительную и судебную. Часто этот концепт приписывают Монтескье. В своей работе «О духе законов» [33] он писал, что власть, чтобы исключить ее монополию, следует делить на законодательную, исполнительную внешнюю и исполнительную внутреннюю. Следует отметить, что некоторые авторы ошибочно указывают, что Монтескье в данной работе предлагал делить власть на законодательную, исполнительную и судебную. Эта идея пришла позже, но ценность труда «О духе законов» заключается еще и в том, что Монтескье предложил весьма интересную иллюстрацию системы разделения властей. Он предложил рассматривать взаимодействие разных функционально обособленных институтов власти как ветви некоего дерева. В этой модели власть, в виде ствола дерева, едина, но есть отдельные ветви (выполняющие разные функции органы), которые самостоятельны в рамках концепции единства власти. В дальнейшем эволюция идеи разделения властей обусловила создание власти судебной. Хотелось бы обратить внимание на то, что две из трех ветвей власти – законодательная и судебная – очевидно аффилированы с правом. Это предопределяет вывод о том, что власть в любой современной стране транслируется через право, проявляется в обществе через него и может эффективно и долговременно существовать только в случае легитимации власти правом.

Правовая наука

Предположение, что право может быть атрибутировано философскими концептами сакральное и профанное, позволяет исследовать

правовую науку сквозь призму этой идеи. Прежде всего нужно ответить на вопрос: может ли научное знание являться сакральным? И если да, то сакрально ли право?

Философские знания были, впрочем, во многом и сейчас остаются элитарными, доступными лишь посвященным, обладая некоторыми признаками сакральности. Вместе с другими эзотерическими науками (алхимией и астрологией) философия через стремление к познанию внутренней природы вещества, числа, логоса искала сакральное священное единство. Для исследователей провозглашение сакральными священных текстов Танаха и Трипитака, Библии и Корана не предполагало другого отношения к ним. Наука того времени была иллюстрацией доминанты сакрального в системе «сакральное/профанное».

Однако развитие светского образования с его стремлением к рациональности постепенно вытесняло приоритет сакрального из науки, ориентированной на рациональные методы поиска истинного знания. Познание истины шло по двум направлениям: либо истина открывалась человеку через откровение, либо ее познание шло из профанного рационального опыта.

Развитие науки по пути профанного было основано на непосредственном восприятии материальной жизнедеятельности. Человек осознает мир через чувства, основываясь на своих интересах и потребностях. Эти познания были связаны со сферой хозяйственной и бытовой активности. В основе профанного знания лежит опыт, получаемый в реальной жизни, который делает возможным систематизировать и анализировать происходящие в социальном мире явления. Выводы, полученные эмпирическим путем, становятся основой для дальнейших исследований.

Вместе с тем подлинное научное знание синтезируется в системе «сакральное/профанное», предполагающей смешение эмпирического знания с интуитивным предвидением. В современной науке немало примеров открытий, которые совершаются именно благодаря такой целостности. Для юридической науки такой подход также очевиден. «В соединении научного рационализма и этического сознания, – пишет член-корреспондент РАН Г. В. Мальцев, – мы видим большое будущее права, морали и других нормативных регуляторов. Они – инди-

каторы способности общества направлять и упорядочивать объективные процессы в курсе, отвечающем не только природе, как таковой, но и природе человека» [31, с. 115]. Таким образом, система «сакральное/профанное» формирует правосознание и регуляторы отношений, к числу которых, вне всякого сомнения, относится право.

Чего же в праве больше: сакрального или профанного? Наличие сакрального элемента в праве безусловно. И не только в праве как таковом, но и в правовой науке. Доминирование сакральной составляющей права подкрепляется апелляцией к науке как объективному, независимому. Здесь начинает проявляться диалектика системы «сакральное/профанное», так как сами по себе критерии истинности и абсолютности знания вновь возвращают эти модели к метафизике. Однако право, используя науку, встраивая ее в свою структуру, теряя возможность манифестировать себя как истинное знание, использует объективность в качестве инструмента, связывающего его с технологией власти. Завоевание статуса и общественное признание права поддерживается властью. Эта поддержка осуществляется скрытно, через механизмы средств массовой коммуникации, апеллирующие к обыденному, ежедневному, профанному сознанию.

Право, как социальная ценность, транслируясь в систему «сакральное/профанное», приобретает черты высшего идеального феномена и обычного, ежедневного инструмента, необходимого для регулирования отношений в обществе.

Правовая наука сакральна, когда предмет теоретического исследования прикосновенен к сферам правосознания, правопонимания, правочувствования. В терминологии работ В. Д. Зорькина, речь идет «о духе права». Но невозможно игнорировать практическую составляющую юриспруденции. Здесь – поле права и законотворчества, правоприменения и т. д. В более общем виде можно считать, что юридическая наука может быть фундаментальной и прикладной.

В рамках этих рассуждений возможно задать вопрос: эти две ипостаси юридической науки предполагают одинаковые подходы к подготовке и требования к юридическому образованию?

Прежде всего следует отметить, что формирование современной государственности контекстно предопределено сохранением и

укреплением философских, исторических, культурных традиций. Суверенная государственность базируется на ценностях, формирующих своеобразие страны. Переосмысление роли науки и образования в современной России обусловлено формированием российской идентичности как одного из элементов системы отечественных конституционных ценностей.

Российская наука, как особый социальный институт, позволяет реконструировать взаимосвязь науки с другими социальными системами и институтами общества (государством, правом, идеологией, экономикой, средствами массовой информации). Эволюционируя, она зависит и от логических, эмпирических и теоретических возможностей развития научного знания, и от уровня его востребованности обществом [26]. Это создает необходимость диалога между обществом и властью в вопросах, определяющих направления развития науки, придавая особое значение общественным наукам.

Очевидно, что эволюция науки предопределяется потенциалом, создаваемым системой образования в стране. Исследователи отмечают, что качество образования – наиболее сильная сторона российских вузов, которые по-прежнему являются мировыми лидерами в престижных международных конкурсах [15, с. 84–90]. Российское образование всегда отличалось своеобразием. Так, по мнению В. А. Садовниченко¹, система высшего образования России традиционно строилась и развивалась на принципах государственности, всесловности и фундаментальности высшего образования. Определяя предназначение высшей школы, он обращал внимание на ее государственность, благодаря которой страна обеспечивалась нужными по количеству и должными по качеству кадрами высококвалифицированных специалистов. Вопрос о национальных кадрах – это и вопрос о национальной безопасности [29, с. 20–38; 42].

Поэтому не случайно, что трансформация отечественного образования обусловлена необходимостью поиска новых подходов, основан-

¹ Садовничей Виктор Антонович – ректор МГУ им. М. В. Ломоносова, президент Российского союза ректоров, президент Евразийской ассоциации университетов, доктор физико-математических наук, профессор, с 2008 по 2013 г. – вице-президент РАН, почетный член Российской академии образования, автор фундаментальных работ по теоретической и прикладной математике, учебников для университетов, ряда монографий, публикаций по актуальным проблемам науки, преподавания и образования.

ных на традиционных для России ценностях. Это особенно важно для отечественных гуманитарных наук. Исследователи отмечают: «...гуманитарные исследования всегда имеют ярко выраженный национальный характер, так как они связаны с историей, языковыми и культурными традициями страны. Это предопределено тем, что первоосновой всех наук гуманитарного цикла являются речь и текст, а основным методом становится реконструкция и интерпретация их смысла» [9, с. 158].

Обозначая специфику всех гуманитарных наук, к числу которых относится и юриспруденция, важно обратить внимание на роль права среди всех общественных наук. Право в наибольшей степени формирует правосознание как конституционно значимую ценность; на фоне особенностей разных стран, оно создает основу правовой идентичности. Исследователи отмечают, что идентичность стала «призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [22, с. 131].

Эволюция российской правовой науки, ее специфика и своеобразие обусловлены развитием отечественного юридического образования. Принято считать, что начало высшего юридического образования в России связано с утверждением Сенатом 28 января 1724 г. Положения об учреждении в Санкт-Петербурге Академии наук и художеств. Согласно этому документу, при Академии учреждался университет как «собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко филологии и юриспруденции (прав искусству), медицины, философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, молодых людей обучают»¹. Убежденность Петра I в необходимости изучения права отражает мнение императора, что «надлежит законы и указы писать явно, чтоб их не перетолковать. Правды в людях мало, а коварства много. Под них такие же подкопы чинят, как и под фортецию» [40, с. 165]. Начало XIX века ознаменовано утверждением в 1804 году нового университетского Устава и открытием ряда университетов в империи. Уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов предусматривали изучение правовых дисциплин. В 1811 году

дисциплина «наука о государстве и праве» была включена в программу Царскосельского лицея. В поздней имперской России сформировалась целая сеть юридических учебных заведений, которые готовили высококвалифицированных специалистов. Потенциал, накопленный высшей юридической школой, оказался востребованным советской наукой. Юридическое образование предопределило создание российской юридической науки, обусловило формирование правовой идентичности, которая, как отмечают исследователи [41], вносит весомый вклад в развитие всех отечественных гуманитарных наук.

Безусловность значимости юридического образования предполагает установление форматов его качества. Должный уровень образования юристов зависит от эффективности подготовки в вузах. Показатели рейтинга воспринимаются как объективные условия при решении вопроса о финансировании. Кроме того, зачастую они являются определяющими критериями для абитуриентов, а также для работодателей при выборе вуза.

Осознание значимости формирования системы рейтингов обусловило принятие Российским союзом ректоров меморандума Московского международного рейтинга «Три миссии университета» (далее – рейтинг ТМУ)². Его оператор – Ассоциация составителей рейтингов (ее членами являются ведущие рейтинговые агентства – «Эксперт РА», ВЦИОМ, «Репутация» и др.). Рейтингом ТМУ оценивается образовательная, научно-исследовательская функции, а также влияние на общество. Если первые два показателя рейтинга ТМУ можно считать традиционными, то учет влияния вуза на общественное сознание – фактор, вне всяких сомнений, определяющий выстраивание гармоничного диалога между личностью, институтами гражданского общества, властью. Причем оценка влияния на общество составляет почти треть рейтинга, что особенно востребовано при рейтинговании вузов, осуществляющих подготовку юристов. При этом значимость вузов, обеспечивающих при подготовке влияние на общество, включает формирование правосознания в стране, учитывает национальную специфику [29, с. 320].

¹ Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, 1724 г. // Уставы Академии наук / отв. ред. Г. К. Скрябин. М.: Наука, 1975. С. 31–39.

² Меморандум Московского международного рейтинга вузов «Три миссии университетов». URL: <https://mosiur.org/about/memorandum/>.

Вместе с тем в реалиях сегодняшнего дня преподаватели, ученые, студенты, работодатели отмечают, что существующие рейтинги зачастую ангажированы. От трети до половины учитываемых ими показателей приходится на репутационные оценки. При этом реальное качество знаний выпускников, внедрение передовых методов обучения, существование авторитетных отечественных научных школ существующими рейтингами не учитываются.

Ранее в целях определения эффективных вузов использовались западные системы оценки и, соответственно, рейтинги (например, рейтинг университетов QS, который осуществлялся агентствами США и Великобритании). Переосмысление роли и места российских вузов предполагает необходимость совершенствования российской системы оценки выстраивания собственных рейтингов. В то же время действующие российские рейтинги, такие как RAEX, Супер Старт от SuperJob и др., имеют специфику, их оценки не всегда коррелируются с потребностями общества и государства в формате лиц, обладающих профессиональными правовыми знаниями.

Определенный интерес вызывает рейтинг RAEX, который с 2019 года осуществляет ранжирование российских вузов. В качестве статистической информации используются данные анкетирования вузов, наукометрические показатели. Определение рейтингового функционала осуществляется на базе интегральных факторов (условия для получения образования, уровень востребованности выпускников, уровень научно-исследовательской деятельности и др.). В рамках данного исследования уместно отметить, что RAEX по своей методике проводит ежегодный предметный рейтинг вузов, осуществляющих подготовку в области юриспруденции, – рейтинг Право (в 2022 г. лидирующие позиции заняли МГУ, СПбГУ, НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МГЮА).

Признавая объективный характер т. н. институциональных рейтингов, укажем, что опыт некоторых вузов заставляет усомниться в их репрезентативности. Многие вузы используют в качестве показателя средний балл ЕГЭ зачисленных. Полагаем, что этот рейтинг служит созданию образа вуза исключительно для абитуриентов. А рейтинг SuperJob, учитывающий данные о средней зарплате после окончания

вуза, больше рассчитан на впечатление о вузе рекрутеров. Эти показатели не отражают ни фундаментальности научных исследований, ни наличия авторитетных научных школ, ни эффективности организации учебного процесса. Поэтому можно предположить, что использование подобных показателей для рейтинга вуза не могут рассматриваться в качестве объективных для определения качества подготовки специалистов.

В этой модели следует исходить из понимания того, что вуз – это не стены (кампус), не научное или учебное лабораторное оборудование, а люди. Только преподаватель может вызвать интерес к предмету, активизируя научный поиск. Важно отметить, что это учтено при построении рейтинга вузов России «Национальное признание».

Обращаясь к практике других стран, напомним, что еще со времен Вильгельма фон Гумбольдта, реформировавшего немецкую систему образования в начале XIX века, в качестве универсальной доминанты выделяется научно-исследовательская деятельность. Поэтому, решая проблему определения показателей качества подготовки специалистов в вузе, необходимо включить в систему оценки уровень авторитета, признания отечественным профессиональным сообществом научных, инновационных и научно-практических достижений преподавателей данного учебного заведения. В основу этой оценки может быть положен уже привычный всем российским ученым индекс Хирша (полагаем, что этот индекс может быть сформирован на базе российских показателей публикаций в РИНЦ), оценивающий востребованность научных публикаций. Этот рейтинг может быть основан на Государственном рубрикаторе научно-технической информации¹.

Одной из проблем, требующих решения, является наличие экспертного сообщества, которое будет формировать рейтинги, а также перечень критериев отбора его участников. Считаем, что здесь можно использовать блокчейн-технологии распределенных вычислений (распределенного реестра). Эти технологии стали применяться в 80-е годы XX века. В XXI веке «...отставание блокчейна в производительности

¹ ГРНТИ – Государственный рубрикатор научно-технической информации. URL: <https://grnti.ru>.

и скорости от традиционных централизованных приложений: Cardano, Polkadot, Solana, NEAR и др.» существенно сократилось. «В 2022 году на новый “быстрый” протокол (Ethereum 2.0) перешел блокчейн Ethereum. К слову, этот блокчейн и многие инновационные решения разработаны российскими программистами» [38, с. 67]. В реалиях современной России любая социальная задача, предполагающая возможность решения в виде подтверждения достоверности, может быть реализована с использованием блокчейн-технологий. Поколение блокчейн-платформ настроено на решение многокомпонентных задач в формате смарт-контракта. Это позволяет предположить, что эти технологии вполне могут быть использованы при определении ранжированного списка экспертов, формирующих рейтинг юридических вузов.

Как отмечают исследователи, «если в основе сегодняшнего интернета (WEB 2.0) лежит концепция централизованных вычислений (результат которых, представляемый пользователю, управляется администратором и может быть скорректирован по его усмотрению), то одним из ключевых признаков зарождающегося сегодня интернета следующего поколения (WEB 3.0) является концепция обеспечения безусловного доверия к конечной информации, основанной на данных, полученных в результате распределенных вычислений (валидация), которые не могут быть скорректированы администратором» [34, с. 197].

Нелишними будет напомнить, что «критериев, способных абсолютно точно объективировать ценность гуманитарного научного исследования, не существует. В отличие от достижений естественных и технических наук гуманитарные исследования трудно монетизируются, не поддаются оценкам эффективности, как правило, не обусловлены достижением конкретных целей» [10, с. 233]. Поэтому, принимая решение о формировании рейтинга российских юридических вузов, необходимо обозначить важность вопроса о системе ценностей и специальных критериях, которые в обязательном порядке должны в них присутствовать; с учетом значимости функции предложенные направления, которые могут быть использованы в качестве основы для дальнейшего изучения, имеют цель вызвать у исследователей интерес к решению проблемы форми-

рования объективной оценки качества российского юридического образования, безусловная важность и значимость которого предопределена конституционными положениями о России как правовом государстве.

Кроме того, очень важно отметить, что предлагаемая система может быть использована для подготовки юристов, планирующих свой профессиональный рост в праве, которое обеспечивает эффективность создаваемых и действующих регуляторов. Правоприменение как функция права профанного, обыденного, ежедневного – важная часть жизни социума. Вузы, которые готовят таких специалистов, востребованы в любой стране. Поэтому создание системы рейтингов для этих учебных заведений – одна из задач, которую необходимо решить, для того чтобы обеспечить реализацию конституционных гарантий.

Вместе с тем подготовка кадров для фундаментальной юридической науки, вероятно, должна осуществляться исходя из других концептуальных положений. Выпускники всех юридических вузов должны иметь базовые правовые знания. Однако очевидно, что глубокие знания философии, теории и т. п. вряд ли нужны практическим работникам. В недавней советской истории нишу системы подготовки юристов-практиков успешно занимали учебные заведения уровня техникумов. Срок обучения предполагал серьезную подготовку в части формирования навыков относительно всех отраслей права и большой акцент на практическую юриспруденцию.

За рамками этой работы остался анализ имплементации в российское образовательное пространство «болонской системы», поделившей высшее образование на бакалавриат и магистратуру (причем предполагалось, что магистратура будет неким трамплином к дальнейшим научным достижениям). Эта система, агрессивно внедряемая на протяжении нескольких десятилетий, не позволила ответить на вопрос: где должны получать образование будущие правоведа, способные развивать фундаментальную науку? Думается, что авторитетные вузы страны, имеющие богатую историю, научный потенциал, должны делать акцент на подготовку именно научных кадров. Вряд ли для этих учебных заведений есть необходимость участвовать в системе рейтингов. Это четыре-пять вузов

страны, о которых все знают, а к выпускникам этих университетов относятся с презумпцией уважения. Именно в этих вузах должны учиться те, кто вдохновляется правом сакральным, которое не определяется величиной заработной платы, близостью к власти, допуску к привилегиям. Научные школы нашей страны, имеющие многовековую историю, способны сформировать когорту ученых-исследователей, для которых право – это социальный феномен, создающий правовую идентичность нашей страны.

Российский конституционализм сквозь призму системы «сакральное/профанное»

Благодаря конституционными поправками 2020 года в отечественном правовом пространстве возник новый институт – конституционной идентичности. Дискурс в рамках доктринальных исследований понятия, содержания, системных связей этого нового для российского конституционного пространства института уже возник в формате статей и монографий. Вероятно, в ближайшее время появятся интересные диссертационные исследования. Решая задачу изучения проекции системы «сакральное/профанное» в право, необходимо проанализировать трансформацию этой системы в отечественное конституционно-правовое пространство в аспекте конституционной идентичности, отражающей специфику отечественной конституционно-правовой модели.

Прежде всего полагаем возможным акцентировать внимание на ошибочности тезиса, что для России не традиционны конституционные модели. Единственным аргументом для этого вывода является отсутствие российской конституции до XX века. Действительно, документ под названием «Конституция РСФСР» впервые был принят в 1918 году.

Однако в Российской империи конституционные документы реально появились значительно раньше. Даже если не брать во внимание конституционные проекты, о которых ранее уже упоминалось. После русско-шведской войны 1808–1809 годов нормативно-правовым актом, фиксирующим вхождение Финляндии в состав России, был манифест «О присоединении Финляндии» от 5(17) июня 1808 г., изданный императором Александром I. Затем, с марта по июль 1809 г. в городе Борго прошел т. н.

Боргоский сейм, на котором была утверждена широкая автономия Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, которая практически была сопоставима с незакрепленной юридически личной унией. Существует точка зрения, согласно которой автономия была дана Финляндии, с целью: во-первых, нейтрализовать возможные антирусские настроения среди населения; во-вторых, пресечь попытки Швеции вернуть ранее утраченные территории.

Основу конституционно-правового статуса Финляндии в тот период составляла Высочайшая грамота Александра I от 15 марта 1809 г., в которой было отмечено, что Россия оставляет за Финляндией право сохранить религию, права и коренные законы, которыми пользовались ее жители, находясь в составе Швеции. Под коренными законами имелись в виду в первую очередь «Форма правления» 1772 года, «Акт соединения и безопасности» 1789 года, а также «Привилегии рыцарству и дворянству» 1723 года, «Привилегии духовного сословию» 1723 года, «Удостоверение, изданное для бюргерства и городов» 1789 года и др. Считается, что «Форма правления» и «Акт соединения и безопасности», ограничивающие полномочия монарха в законодательной и исполнительной сферах, являлись Конституцией Финляндии, признанной Россией.

Об обоснованности употребления понятия «конституция» в отношении Великого княжества Финляндского в те годы до сих пор идут споры. Одним из аргументов в пользу употребления данного понятия является речь Александра I, произнесенная им на открытии Боргоского сейма на французском языке, в которой он употребил слова «constitution», «lois fondamentales». Однако в русской версии речи было использовано словосочетание «коренные законы», а в шведском переводе – «grundlagar». Более того, на сегодняшний день отсутствует ясность по вопросу о том, что следует считать «конституцией» Финляндии: особое положение Княжества в составе России либо основной закон (совокупность законов), устанавливающий принципы организации государственной власти, основные права и обязанности подданных [27; 39; 47; 49].

Кроме того, нельзя умолчать об истории Великого герцогства Варшавского, которое по

результатам Венского конгресса (1815 г.) вошло в состав России под названием Царство Польское. Дарование Польше новой Конституции стала следствием т. н. «конституционной дипломатии» Александра I, суть которой заключалась в использовании идей умеренного конституционализма для приспособления к изменившейся ситуации в Европе после Великой французской революции. Истоки данной дипломатии можно проследить в деятельности Екатерины II и Павла I. Предполагалось, что идеалы верховенства права и закона станут действенным средством против развития революционных идей на тех территориях, которые входили в состав или попадали в сферу влияния России в начале 1800-х годов. В отношении Польши данная политика также способствовала укреплению западных рубежей Российской империи.

В 1815 году А. Чарторижским, Н. Н. Новосильцевым и др. был разработан проект новой польской Конституции. 27 ноября 1815 г. Александром I был подписан финальный текст документа, который был опубликован 24 декабря 1815 г. Конституция Польши стала одной из самых либеральных по меркам того времени. Обращают на себя внимание установленные права и свободы подданных и их определенные гарантии, прямое избирательное право с весьма низким избирательным цензом и др.

Однако результаты политики «конституционной дипломатии» в отношении Польши противоречивы. С одной стороны, население благосклонно приняло новую Конституцию и на некоторое время удалось избежать появления сепаратистских настроений. С другой – в долгосрочной перспективе, данная политика не принесла ожидаемых результатов (по аналогии с Финляндией) и не позволила избежать Польского восстания 1830–1831 годов, приведшего к отмене Конституции Царства Польского Николаем I [18; 49].

Тем не менее по опыту принятия конституционных документов Россия опережала многие страны. По мнению исследователей, «образцы российской конституционно-правовой мысли, весьма созвучные своему времени и во многом превосходящие по глубине аргументации западные образцы» [6], являются частью истории отечественного конституционализма. Это важно, если учесть, что у подавляющего

большинства государств конституции появились только в XX веке. В некоторых странах их нет и сегодня. Великобритания, после недолгого «пилотного проекта» с конституцией Кромвеля, не имеет такого документа в своем правовом поле. Отсутствует конституция в Израиле. В общем, это не так важно, конституционалисты знают, что понятие «конституционализм» не ограничивается наличием или отсутствием в стране конституции.

Возвращаясь к принятой 1918 году Конституции РСФСР, интересно отметить, что ее текст предварялся положением о том, что утвержденная на III Всероссийском съезде Советов декларация прав трудящихся вместе с Конституцией составляют единый Основной закон. Но самое интересное то, что в этом тексте устанавливалось, что Основной закон должен быть «распубликован всеми местными органами Советской власти и выставлен во всех Советских учреждениях на видном месте»¹.

Здесь, вероятно, и кроется отношение к тексту документа как к сакральному. Новая власть, отменив все прежние идейно-ценностные ориентиры в обществе, начинает создавать онтологические ориентиры. И в их число, как это ни удивительно, попадает правовой текст. Справедливости ради следует отметить, что правовым этот текст можно назвать только с большой долей условности. Но в данном случае это не так важно. В тексте, предваряющем положения Основного закона, было закреплено: «Съезд поручает Народному Комиссариату Просвещения ввести во всех без изъятия школах и учебных заведениях Российской Республики изучение основных положений настоящей конституции, а равно и их разъяснение и истолкование»². Вот так создаются ценности, сакрализируются значимые для власти идеи. В ситуации, когда декларируется отмирание государства, уничтожается право, вдруг приходит концептуальное осознание принятия конституционного документа, имеющего высшую юридическую силу, прямое действие, оформляющего декларации о правах и свободах. Не ис-

¹ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, опубликована в № 151, «Известий Всерос. центр. исполн. комитета» от 19 июля 1918 г. Издательство Всероссийского центрального исполнительного комитета р., с., к. и к. депутатов. М., 1918. С. 3.

² Там же.

ключено, что отформатированные как борцы с самодержавием, вышедшие на Сенатскую площадь с лозунгами, требующими передачу власти Константину и Конституции, использовались создателями новой идеологии как пример преемственности идеи претензий к власти с использованием методов «площадной демократии». Признанные новыми героями, они стали частью пропаганды, создающей новые ценности, сакральность которых еще предстояло оформить. Провозглашая Конституцию как важнейший документ, новая власть ее сакрализовала. Эта идея красной нитью прошла сквозь весь советский период истории отечественного конституционализма.

Каждый новый этап развития советской государственности оформлялся принятием новой конституции. После утверждения Декларации и Договора об образовании СССР в 1922 году (подписанного представителями четырех республик – РСФСР, УССР, БССР и Закавказской ФССР, в состав которой входили Грузия, Армения, Азербайджан и Абхазия) Первый съезд Советов СССР 10 января 1923 г. принял решение о разработке общесоюзной Конституции. Она была принята Вторым съездом Советов 31 января 1924 г. Кроме этих общеизвестных фактов, напомним, что она принималась в период траура по В. И. Ленину. Создавалась новая идеология, новый «пантеон богов». Формировалась новая сакральность, к которой, вне всяких сомнений, была приобщена Конституция. Именно она закрепляла новые ценности, охраняемые и защищаемые властью. Конституция стала документом, благодаря которому эти ценности транслировались в правовые акты различной юридической силы, в ней манифестировались новые идеи взаимодействия власти с обществом и гражданами.

Конституция 1924 года не стала примером жесткого конституционного документа, не предполагающего возможность внесения в нее изменений. Они вносились на протяжении всего периода ее существования, вплоть до принятия в 1936 году Конституции СССР, которая во всех учебниках по истории и праву, именовалась «сталинской».

Одной из базовых конституционных идей до середины 1930-х годов в СССР была идея о победе «мировой революции». Отказ от нее и необходимость налаживать эффективное администрирование внутри страны обусловили из-

менение элементов в системе сакральных ценностей, декларируемых советским государством. Задача разжигания пожара мировой революции была если не полностью отменена, то, во всяком случае, отсрочена до «лучших времен». Вместо этого акценты были перенесены на внутренние социально-экономические задачи. В записке И. В. Сталина [44], занятого вопросами принятия новой Конституции, была также отмечена необходимость замены избирательной системы, что на долгие годы сделало актуальными ее исследования, придав вопросу голосования характер конституционной ценности. Главная идея заключалась в формировании двух ветвей власти – законодательной и исполнительной, что создавало предпосылки для дальнейшего развития в направлении правовой государственности, где система разделения властей являлась одним из базовых принципов. Однако к работе по подготовке проекта этого документа практически не привлекались юристы. Недоверие к лицам, обладающим некими «сакральными» правовыми знаниями, недоступными, неочевидными, не во всем понятными, было столь велико, что закон, обладающий высшей юридической силой, создавался без правоведов. В апреле 1936 г. «черновой набросок» Конституции редактировал Сталин, включив в ее текст немало концептуальных положений. Один из тезисов, авторство которого приписывается исследователями [30, с. 49] «вождю народов», – «от каждого по способностям, каждому по труду» – на долгие десятилетия стал лозунгом, определяющим систему социалистических ценностей.

В 1960-е годы осознание важности создания такого Основного закона, который стал бы не декларативным, а работающим документом, в условиях больших перемен, происходящих в шестидесятые годы в стране и в мире, предопределило необходимость принятия новой Конституции. Работа над ее проектом началась 25 апреля 1962 г., когда Верховный Совет СССР в соответствии с новыми идеями о значении законности и правопорядка в развитом социалистическом обществе постановил разработать проект новой Конституции СССР и создал Конституционную комиссию¹. Новая Конституция СССР была принята только спустя

¹ Постановление Верховного Совета СССР от 25 апр. 1962 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 17, ст. 182.

15 лет, в 1977 году, предпосылкой принятия послужило вступление страны в новый этап – этап развитого социалистического общества, поэтому за ней закрепилось название Конституции развитого социализма [8, с. 51–58].

На этапе крушения страны в 1980-е годы попытки сохранить империю предпринимались в разных направлениях. Одно из них – работа над внесением изменений и дополнений в Конституцию 1977 года и начало работы над новым проектом Конституции нового государства.

В трудный для суверенной российской государственности период конца 80-х и начала 90-х годов XX века создавался конституционный проект, который предвосхитил ответы на вызовы и угрозы сегодняшнего дня. Он созвучен современным реалиям многополярного, противоречивого мира. Принятая в 1993 году Конституция Российской Федерации утвердила новую систему конституционных ценностей, закрепленных в документе, имеющем высшую силу и прямое действие. Во многом она предопределила вектор дальнейшего развития страны, провозгласив, что Россия – правовое государство. На протяжении тридцати лет на основе конституционных положений развивается современная российская государственность. Ее сакральность обуславливается многими признаками. Избранный Президент страны, являясь гарантом Конституции, приносит на ней присягу. В ней отражаются ценности, которые значимы и оберегаемы российским народом. В ее тексте заложена жесткая часть, для пересмотра положений которой требуется принятие новой Конституции. Это может произойти, как отмечает в своей работе В. Д. Зорькин, если «...изменения реальности и высокопрофессиональный анализ убедительно покажут, что действующая Конституция... уже не способна выполнять свои функции и не позволяет России адекватно ответить на вызовы исторического времени и что конституционные трансформации не только возможны, но и необходимы, всем нам придется подчиниться требованиям жизни» [21, с. 57]. Вместе с тем этот документ созвучен времени, в него вносятся изменения и поправки, позволяющие усиливать гарантии прав и свобод, укреплять сакральные ценности.

В заключение следует отметить, что авторские аргументы и выводы позволяют надеяться

на актуализацию дискуссии о российском конституционализме. Обусловленная исторической, религиозной, культурной идентичностью отечественная конституционная модель, трансформируясь в правовое пространство через философские концепции, обретает своеобразие. Усилия по доктринальному осмыслению институтов и связей между элементами системы российского конституционализма предопределяют эффективное ее эволюционирование в направлении обеспечения интересов личности, общества, государства. Вывод о том, что система «сакральное/профанное» должна исследоваться в правовом аспекте позволит взглянуть на право сквозь призму новых, ранее не исследованных ценностей, определить новые акценты в понимании права как регулятора общественных отношений, повысить ценность конституционных гарантий, определяемых как сакральные ценности.

Принятие в 1993 году российской Конституции – это не столько появление политико-юридического документа, сколько системная правовая манифестация ценностей, создающих правовой фундамент, обеспечивший конституционную идентичность России, возвращение к сакральным идеям справедливости и гуманизма многовековой отечественной истории государства и права.

Библиографический список

1. Агамбен Д. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011. 256 с.
2. Александер Дж. Аналитические дебаты: понимание относительной автономии культуры / пер. с англ. М. Шуровой; под ред. Д. Куракина // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6, № 1. С. 17–37.
3. Александер Дж., Смит Ф. Сильная программа в культурсоциологии / пер. с англ. С. Джакуповой; под ред. Д. Куракина // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 11–30.
4. Андрей Клишас: Конституция РФ отвечает современным запросам общества и не исчерпала свой потенциал // Парламентская газета. 2014. URL: <https://www.pnp.ru/politics/2014/08/06/andrey-klisshas-konstituciya-rf-otvechaet-sovremennym-zaprosam-obshhestva-i-ne-ischerpala-svoyu-potencial.htm>.
5. Биневский И. А. Диалектика сакрального и профанного в европейском социокуль-

турном процессе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2012. 24 с.

6. Виноградова Е. В., Данилевская И. Л. Конституционные проекты XX века. Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии // Государство и право. 2023. № 3. 138–145. DOI: 10.31857/S102694520024779-7.

7. Виноградова Е. В., Данилевская И. Л. Конституция, которой не было // Образование и право. 2019. № 7. С. 19–23.

8. Виноградова Е. В., Данилевская И. Л. Конституция, которую не приняли и не поняли // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 6. С. 51–58.

9. Виноградова Е. В., Захарцев С. И., Сальников В. П. Индексы научного цитирования: мифы и реальность // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 12. С. 156–163.

10. Виноградова Е. В. К вопросу о возможностях использования блокчейн-технологий в оценке эффективности гуманитарных научных исследований // Образование и право. 2022. № 6. С. 232–234. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-6-232-234

11. Виноградова Е. В. Смертная казнь. Контрфорс российской конституционной идентичности и международно-правовых обязательств // Евразийская адвокатура. 2021. № 6 (55). С. 72–78. DOI: 10.52068/2304-9839_2021-55-6-72

12. Виноградова Е. В. Современная российская государственность. Контрфорс международных санкций и конституционной идентичности // Государство и право. 2022. № 4. С. 7–12. DOI: 10.31857/S102694520019615-7.

13. Виноградова Е. В. Трансплантация. Перспективы регулирования // Образование и право. 2021. № 5. С. 61–66. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-5-61-66.

14. Вундт В. Психология народов. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 864 с.

15. Гришанков Д. Э. Глобальный рейтинг университетов: взгляд из России // Государственная служба. 2018. Т. 20, № 5 (115). С. 84–90. DOI: 10.22394/2070-8378-2018-20-5-84-92.

16. Долгоруков П. В. Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым. Париж, 1861. 403 с.

17. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. В. В. Земсковой; под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с.

18. Захаров В. Ю. Политика «конституционной дипломатии» Александра I в Польше и ее результаты // Россия и Польша: опыт тыся-

четного соседства: материалы междунар. науч. конф., Москва, 15 марта 2019 / под ред. С. В. Леонова, Г. В. Талиной. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2019. С. 135–149.

19. Захарцев С. И. Право: новые идеи и прочтения. М.: Юрлитинформ, 2021. 440 с.

20. Захарян Т. Б. Сакральный символ в языке религии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 2006. 26 с.

21. Зорькин В. Д. Россия и Конституция XXI века. М., 2008. С. 592.

22. Исаева Н. В. Теория идентичности в дискурсе теории права и государства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 5 (304). С. 117–134.

23. Интеллектуальный язык эпохи: история идей, история слов / сост. С. Н. Зенкин; отв. ред. С. Н. Зенкин. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 192 с.

24. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2003. 296 с.

25. Кант И. Критика способности суждения / под ред. А. Я. Зися; коммент., вступ. ст. А. В. Гулыги. М.: Искусство, 1994. 368 с.

26. Кнабе Г. С. Диалектика повседневности // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 26–46.

27. «Конституция» Великого княжества Финляндского: учеб. пособие с хрестоматией / автор-сост. А. В. Звонарев. М.: МГПУ, 2014. 184 с.

28. Краснов А. Г. Притча в русской и западноевропейской литературе XX века: соотношение сакрального и профанного: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 22 с.

29. Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический проект, 2008. 692 с.

30. Максимова О. Д. Разработка и всенародное обсуждение проекта Конституции СССР 1936 года // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 46–51.

31. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: ИНФРА-М, 2014. 800 с.

32. Мамедов В. К., Мамедова Л. Э. Об отношении основных религиозных конфессий к трансплантации и донорству // Медицинское право. 2020. № 5. С. 29–38.

33. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: АСТ, 2021. 864 с.

34. Намчук А. В. Блокчейн-технологии в оценке эффективности научных исследований // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7. С. 196–198. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_7_196.

35. Ницше Ф. Рождение трагедии / сост., общ. ред., коммент. и вступ. ст. А. А. Россиуса. М.: Ad Marginem, 2001. 736 с.
36. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 272 с.
37. Полный сборник платформ всех русских политических партий: с приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 года и всеподданнейшего доклада графа Витте. СПб.: Тип. «Север», 1906. 102 с.
38. Попов Н. В. Технология распределенного реестра (блокчейн): исторический аспект // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 2. С. 65–72. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-2-65.
39. Прокопович Г. А. Конституция Финляндии: этапы преобразований в государственно-правовой сфере // Юридическая мысль. 2010. № 1 (57). С. 34–38.
40. Раттур М. В. Формирование правовой политики в сфере общественного призрения подданных в Российской империи: исторические уроки // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. №1. С. 162–169. DOI: 10.24412/1608-8794-2022-1-162-169.
41. Савенков А. Н., Жуков В. И. Социология уголовного права (национальный исследовательский опыт). М.: Ин-т гос-ва и права РАН, 2020. 464 с.
42. Садовничий В. А. Актуальные проблемы высшего образования в России (из доклада на XVIII Менделеевском съезде по общей и прикладной химии. Москва, РАН, 24 сентября 2007 г.) // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2009. № 2. С. 20–38.
43. Сперанский М. М. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского: (Введение к уложению государственных законов 1809 г.): с прил.: «Записки об устройстве судебных и правительств. учреждений в России», (1803 г.), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и «Пермского письма к императору Александру». М.: Русская мысль, 1905. VI. 359 с.
44. Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР // Сочинения. М.: Изд-во «Писатель», 1997. Т. 14. С. 119–147.
45. Теоретическая культурология / под ред. О. К. Румянцева, А. Ю. Шеманова. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. 624 с.
46. Федоровских А. А. Трансформация сакрального и профанного в обществе: миф-религия-идеология: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 20 с.
47. Филонов А. В. Особенности правового статуса Великого княжества Финляндского в составе Российской империи // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 4. С. 60–64.
48. Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. М. В. Вульфа. СПб.: Азбука-классика, 2005. 256 с.
49. Шульженко Ю. Л. Предтеча Конституции РСФСР 1918 г. // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8 (48). С. 67–73.
50. Элиас Н. Общество индивидов / пер. с нем. М.: Праксис. 2001. 336 с.
51. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
52. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life / transl. and with an intro. by K. E. Fields. New York: The Free Press, 1995. 464 p.
53. Lawlor R. Sacred Geometry: Philosophy & Practice (Art and imagination). London: Thames & Hudson Ltd, 1989. 112 p.
54. Lesser G. Gothic Cathedrals and Sacred Geometry. Vol. 1, 2, 3. London: Alec Tiranti Ltd, 1957–1964.
55. Riley A. T. “Renegade Durkheimianism” and the transgressive left sacred // The Cambridge companion to Durkheim / ed. by J. C. Alexander and P. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Pp. 274–301.
56. Robertson Smith W. Religion of the Semites / with a new intro. by Robert A. Segal. New Brunswick, N. J.: Transaction Publishers, 2002. XLVIII. 507 p.

References

1. Agamben G. *Homo Sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life]. Moscow, 2011. 256 p. (In Russ.).
2. Alexander J. *Analiticheskie debaty: ponimanie otноситel'noy avtonomii kul'tury* [Analytical Debates: Understanding the Relative Autonomy of Culture]. Transl. from English by M. Shurova, ed. by D. Kurakin. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 2007. Vol. 6. Issue 1. Pp. 17–37. (In Russ.).
3. Alexander J., Smith Ph. *Sil'naya programma v kul'tursotsiologii* [Strong Program in Cultural Sociology]. Transl. from English by S. Dzhakupova; ed. by D. Kurakin. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 2010. Vol. 9. Issue 2. Pp. 11–30. (In Russ.).
4. Andrey Klishas: *Konstitutsiya RF otvechaet sovremennym zaprosam obshchestva i ne ischerpala svoi potentsial* [Andrey Klishas: The

Constitution of the Russian Federation Meets Current Demands of Society and Has Not Exhausted Its Potential]. *Parlamentskaya gazeta – Parliamentary Newspaper*. 2014. 6 August. Available at: <https://www.pnp.ru/politics/2014/08/06/andrey-kliskas-konstituciya-rf-otvechaet-sovremennym-zaprosam-obshhestva-i-neischerpalasvoy-potencial.html>. (In Russ.).

5. Binevskiy I. A. *Dialektika sakral'nogo i profannogo v evropeyskom sotsiokul'turnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Dialectics of the Sacred and Profane in the European Socio-Cultural Process: Synopsis of Cand. philos. sci. diss.]. Moscow, 2012. 24 p. (In Russ.).

6. Vinogradova E. V., Danilevskaya I. L. *Konstitutsionnye proekty XX veka. Konstitutsiya soyuza sovetских respublik Evropy i Azii* [Constitutional Projects of the 20th Century. Constitution of the Union of Soviet Republics of Europe and Asia]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2023. Issue 3. Pp. 138–145. DOI: 10.31857/S102694520024779-7 (In Russ.).

7. Vinogradova E. V., Danilevskaya I. L. *Konstitutsiya, kotoroy ne bylo* [The Constitution That Did Not Exist]. *Obrazovanie i pravo – Education and Law*. 2019. Issue 7. Pp. 19–23. (In Russ.).

8. Vinogradova E. V. Danilevskaya I. L. *Konstitutsiya, kotoruyu ne prinyali i ne ponyali* [The Constitution That Was Not Accepted and Understood]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* – Juridical Science: History and the Presence. 2022. Issue 6. Pp. 51–58. (In Russ.).

9. Vinogradova E. V., Zakhartsev S. I., Sal'nikov V. P. *Indeksy nauchnogo tsitirovaniya: mify i real'nost'* [Scientific Citation Indexes: Myths and Reality]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* – Juridical Science: History and the Presence. 2021. Issue 12. Pp. 156–163. (In Russ.).

10. Vinogradova E. V. *K voprosu o vozmozhnostyakh ispol'zovaniya blokcheyn-tekhnologiy v otsenke effektivnosti gumanitarnykh nauchnykh issledovaniy* [On the Possibilities of Using Blockchain Technologies in Assessing the Effectiveness of Humanities Scientific Research]. *Obrazovanie i pravo – Education and Law*. 2022. Issue 6. Pp. 232–234. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-6-232-234. (In Russ.).

11. Vinogradova E. V. *Smertnaya kazn'. Kontrfors rossiyskoy konstitutsionnoy identichnosti i mezhdunarodno-pravovykh obyazatel'stv* [The Death Penalty. The Counterforce of the Russian Constitutional Identity and International Legal Obligations]. *Evrasiyskaya advokatura – Eurasian Advocacy*. 2021. Issue 6

(55). Pp. 72–78. DOI: 10.52068/2304-9839_2021_55_6_72. (In Russ.).

12. Vinogradova E. V. *Sovremennaya rossiyskaya gosudarstvennost'*. *Kontrfors mezhdunarodnykh sanktsiy i konstitutsionnoy identichnosti* [Modern Russian Statehood. The Counterforce of International Sanctions and Constitutional Identity]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2022. Issue 4. Pp. 7–12. DOI: 10.31857/S102694520019615-7. (In Russ.).

13. Vinogradova E. V. *Transplantatsiya. Perspektivy regulirovaniya* [Transplantation. Regulatory Prospects]. *Obrazovanie i pravo – Education and Law*. 2021. Issue 5. Pp. 61–66. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-5-61-66. (In Russ.).

14. Wundt W. *Psikhologiya narodov* [Psychology of Peoples]. Moscow; St. Petersburg, 2002. 864 p. (In Russ.).

15. Grishankov D. E. *Global'nyy reyting universitetov: vzglyad iz Rossii* [Global University Ranking: a View from Russia]. *Gosudarstvennaya sluzhba – Public Administration*. 2018. Vol. 20. Issue 5 (115). Pp. 84–90. DOI: 10.22394/2070-8378-2018-20-5-84-92. (In Russ.).

16. Dolgorukov P. V. *Pravda o Rossii, vyskazannaya knyazem Petrom Dolgorukovym* [The Truth about Russia Expressed by Prince Pyotr Dolgorukov]. Paris, 1861. 403 p. (In Russ.).

17. Durkheim E. *Elementarnye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Elementary Forms of the Religious Life: the Totemic System in Australia]. Transl. from French by V. V. Zemskova. Ed. by D. Yu. Kurakin. Moscow, 2018. 808 p. (In Russ.).

18. Zakharov V. Yu. *Politika «konstitutsionnoy diplomatii» Aleksandra I v Pol'she i ee rezul'taty* [The Policy of Alexander I's 'Constitutional Diplomacy' in Poland and Its Results]. *Rossiya i Pol'sha: opyt tysyacheletnego sosedstva: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Moskva, 15 marta 2019* [Russia and Poland: the Experience of a Thousand-Year Neighborhood: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, March 15, 2019]. Ed. by S. V. Leonov, G. V. Talina. Moscow, 2019. Pp. 135–149. (In Russ.).

19. Zakhartsev S. I. *Pravo: novye idei i prochteniya* [Law: New Ideas and Interpretation]. Moscow, 2021. 440 p. (In Russ.).

20. Zakharyan T. B. *Sakral'nyy simvol v yazyke religii: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [A Sacred Symbol in the Language of Religion: Synopsis of Cand. philos. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2006. 26 p. (In Russ.).

21. Zor'kin V. D. *Rossiya i Konstitutsiya v XXI veke* [Russia and the Constitution in the 21st Century]. Moscow, 2008. 592 p. (In Russ.).

22. Isaeva N. V. *Teoriya identichnosti v dis-kurse teorii prava i gosudarstva* [The Theory of Identity in the Discourse of the Theory of Law and State]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* – Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie. 2012. Issue 5. Pp. 117–134. (In Russ.).
23. *Intellektual'nyy yazyk epokhi: istoriya idey, istoriya slov* [Intellectual Language of the Epoch: the History of Ideas, the History of Words]. Ed. by S. N. Zenkin. Moscow, 2011. 192 p. (In Russ.).
24. Caillois R. *Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe* [Myth and Human. Human and the Sacred]. Transl. from French by S. N. Zenkin. Moscow, 2003. 296 p. (In Russ.).
25. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of Judgment]. Ed. by A. Ya. Zis'. Introd. art. and comm. by A. Gulyga. Moscow, 1994. 368 p. (In Russ.).
26. Knabe G. S. *Dialektika povsednevnosti* [Dialectics of Everyday Life]. *Voprosy Filosofii* – Questions of Philosophy. 1989. Issue 5. Pp. 26–46. (In Russ.).
27. «Konstitutsiya» *Velikogo knyazhestva Finlyandskogo: uchebnoe posobie s khrestomatiey* [The 'Constitution' of the Grand Duchy of Finland: a textbook with a chrestomathy]. Comp. by A. V. Zvonarev. Moscow, 2014. 184 p. (In Russ.).
28. Krasnov A. G. *Pritcha v russkoy i zapadnoevropeyskoy literature XX veka: sootnoshenie sakral'nogo i profannogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Parable in Russian and Western European Literature of the 20th Century: the Sacred and Profane: Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Samara, 2005. 22 p. (In Russ.).
29. Lebedev S. A. *Filosofiya nauki: kratkaya entsiklopediya (osnovnye napravleniya, kontseptsii, kategorii)* [Philosophy of Science: A Brief Encyclopedia (Main Directions, Concepts, Categories)]. Moscow, 2008. 692 p. (In Russ.).
30. Maksimova O. D. *Razrabotka i vsenarodnoe obsuzhdenie proekta Konstitutsii SSSR 1936 goda* [Development and Nation-Wide Discussion of the 1936 Draft Constitution of the USSR]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* – Gaps in Russian Legislation. 2014. Issue 3. Pp. 46–51. (In Russ.).
31. Mal'tsev G. V. *Sotsial'nye osnovaniya prava* [Social Foundations of Law]. Moscow, 2014. 800 p. (In Russ.).
32. Mamedov V. K., Mamedova L. E. *Ob otnoshenii osnovnykh religioznykh konfessiy k transplantatsii i donorstvu* [On the Attitude of the Main Religious Denominations to Transplantation and Donation]. *Meditinskoe pravo* – Medical Law. 2020. Issue 5. Pp. 29–38. (In Russ.).
33. Montesquieu Ch. L. *O dukhe zakonov* [The Spirit of the Laws]. Moscow, 2021. 864 p. (In Russ.).
34. Namchuk A. V. *Blokcheyn-tekhnologii v otsenke effektivnosti nauchnykh issledovaniy* [Blockchain Technologies in Evaluating the Effectiveness of Scientific Research]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* – Law and State: The Theory and Practice. 2022. Issue 7. Pp. 196–198. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_7_196. (In Russ.).
35. Nietzsche F. *Rozhdenie tragedii* [The Birth of Tragedy]. Ed. by A. A. Rossius. Moscow, 2001. 736 p. (In Russ.).
36. Otto R. *Svyashchennoe. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii ratsional'nym* [The Sacred. On the Irrational in the Idea of the Divine and Its Relation to the Rational]. St. Petersburg, 2008. 272 p. (In Russ.).
37. *Polnyy sbornik platform vseh russkikh politicheskikh partiy: s prilozheniem vysochayshego manifesta 17 oktyabrya 1905 goda i vsepoddanneyshego doklada grafa Vitte* [A Complete Collection of Platforms of All Russian Political Parties: with the Appendix of the Imperial Manifesto of October 17, 1905 and the Most Faithful Report of Count Witte]. St. Petersburg, 1906. 102 p. (In Russ.).
38. Popov N. V. *Tekhnologiya raspredelennogo reestra (blokcheyn): istoricheskiy aspekt* [Distributed Registry Technology (Blockchain): Historical Aspect]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* – Intellect. Innovations. Investments. 2019. Issue 2. Pp. 65–72. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-2-65. (In Russ.).
39. Prokopovich G. A. *Konstitutsiya Finlyandii: etapy preobrazovaniy v gosudarstvenno-pravovoy sfere* [The Constitution of Finland: Stages of Transformations in the State-Legal Sphere]. *Yuridicheskaya mysl'* – Legal Thought. 2010. Issue 1 (57). Pp. 34–38. (In Russ.).
40. Rattur M. V. *Formirovanie pravovoy politiki v sfere obshchestvennogo prizreniya poddannyykh v Rossiyskoy imperii: istoricheskie uroki* [Formation of Legal Policy in the Sphere of Public Assistance for Subjects of the Russian Empire: Historical Lessons]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* – Legal Policy and Legal Life. 2022. Issue 1. Pp. 162–169. DOI: 10.24412/1608-8794-2022-1-162-169. (In Russ.).
41. Savenkov A. N., Zhukov V. I. *Sotsiologiya ugolovnogo prava (Natsional'nyy issledovatel'skiy opyt)* [Sociology of Criminal Law (National Research Experience): a monograph]. Moscow, 2020. 464 p. (In Russ.).

42. Sadovnichiy V. A. *Aktual'nye problemy vysshego obrazovaniya v Rossii. (Iz doklada na XVIII Mendeleevskom s'ezde po obshchey i prikladnoy khimii. Moskva, RAN, 24 sentyabrya 2007 g.)* [Actual Problems of Higher Education in Russia. (From the Report at the XVIII Mendeleev Congress on General and Applied Chemistry. Moscow, RAS, September 24, 2007)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie* – Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical Education. 2009. Issue 2. Pp. 20–38. (In Russ.).

43. Speranskiy M. M. *Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M. M. Speranskogo: (Vvedenie k ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.): s prilozheniem: «Zapiski ob ustroystve sudebnykh i pravitel'stvennykh uchrezhdeniy v Rossii», (1803 g.), statey «O gosudarstvennykh ustanovleniyakh», «O krepostnykh lyudyakh» i «Permskogo pis'ma k imperatoru Aleksandru»* [The Plan of State Transformation of Count M. M. Speransky: (an Introduction to the Code of State Laws of 1809): accompanied by: 'Notes on the Structure of Judicial and Governmental Institutions in Russia', (1803), Articles 'On State Institutions', 'On Serfs', and 'Perm Letter to Emperor Alexander']. Moscow, 1905. VI. 369 p. (In Russ.).

44. Stalin I. V. *O proekte Konstitutsii Soyuza SSR* [On the Draft Constitution of the USSR]. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1997. Vol. 14. Pp. 119–147. (In Russ.).

45. *Teoreticheskaya kul'turologiya* [Theoretical Cultural Studies]. Ed. by O. K. Rumyantsev, A. Yu. Shemanov. Moscow; Yekaterinburg, 2005. 624 p. (In Russ.).

46. Fedorovskikh A. A. *Transformatsiya sakral'nogo i profannogo v obshchestve: mif-religiya-ideologiya: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Transformation of the Sacred and the Profane in Society: Myth-Religion-Ideology: Synopsis of Cand. philos. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2000. 20 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Е. В. Виноградова, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции

Институт государства и права

Российской академии наук

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

ORCID: 0000-0002-3568-9042

ResearcherID: M-4613-2015

Статьи автора в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.14505/jemt.v9.1(25).18

DOI: 10.1051/e3sconf/202020806007

DOI: 10.14505/jarle.v10.6(44).11

DOI: 10.17072/1995-4190-2022-55-22-47

47. Filonov A. V. *Osobennosti pravovogo statusa Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v sostave Rossiyskoy imperii* [The Legal Status of the Grand Duchy of Finland as a Part of the Russian Empire]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry* – Education. Science. Scientific Personnel. 2019. Issue 4. Pp. 60–64. (In Russ.).

48. Freud S. *Totem i tabu* [Totem and Taboo]. Transl. from German by M. V. Vul'f. St. Petersburg, 2005. 256 p. (In Russ.).

49. Shul'zhenko Yu. L. *Predtecha Konstitutsii RSFSR 1918 g.* [The Forerunner of the Constitution of the RSFSR 1918]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)* – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2018. Issue 8 (48). Pp. 67–73. (In Russ.).

50. Elias N. *Obshchestvo individov* [Society of Individuals]. Transl. from German. Moscow, 2001. 336 p. (In Russ.).

51. Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Profane]. Transl. from French by N. K. Garbovskiy. Moscow, 1994. 144 p. (In Russ.).

52. Durkheim E. *The Elementary Forms of Religious Life*. New York: The Free Press, 1995. 464 p. (In Eng.).

53. Lawlor R. *Sacred Geometry: Philosophy & Practice (Art and Imagination)*. London: Thames & Hudson Ltd, 1989. 112 p. (In Eng.).

54. Lesser G. *Gothic Cathedrals and Sacred Geometry*. London: Alec Tiranti Ltd, 1957–1964. Vol. 1, 2, 3. (In Eng.).

55. Riley A. T. 'Renegade Durkheimianism' and the Transgressive Left Sacred. *The Cambridge Companion to Durkheim*. Ed. by J. C. Alexander, P. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Pp. 274–301. (In Eng.).

56. Robertson Smith W. *Religion of the Semites*. With a new intro. by R. A. Segal. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2002. XLVIII, 507 p. (In Eng.).

About the author:

E. V. Vinogradova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russia

ORCID: 0000-0002-3568-9042

ResearcherID: M-4613-2015

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.14505/jemt.v9.1(25).18

DOI: 10.1051/e3sconf/202020806007

DOI: 10.14505/jarle.v10.6(44).11

DOI: 10.17072/1995-4190-2022-55-22-47